

CERCETĂRI ETNOSOCIALE, ETNOPSICOLOGICE ȘI ETNOISTORICE

Ольга СОБОЛЕВСКАЯ

ФОРМИРОВАНИЕ ЕВРЕЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Rezumat

Formarea intelectualității evreiești în gubernia Grodno (sfârșitul secolului al XIX-lea – începutul secolului al XX-lea)

Articolul este bazat pe cercetarea surselor de arhivă nepublicate anterior, a fost abordată problema formării intelectualității evreiești pe teritoriul guberniei Grodno (sfârșitul secolului al XIX-lea – începutul secolului al XX-lea). Sa constatat că în condițiile occidentalizării accelerate a culturii evreiești tradiționale la periferia secolelor XIX–XX, în partea bielorusă a așezării evreiești, în fața tinerei generații care a primit educație laică fiind instruiți în instituții superioare de învățământ, s-au deschis oportunități pentru a ocupa poziții de frunte în ierarhia socială. Intelectualitatea devine pilonul formării noilor tradiții de organizare a vieții cotidiene și a timpului liber, pentru care modul de viață al creștinilor servea drept model. Aspectul fizic și modelul onomastic evreiesc au suferit schimbări. Receptând valorile intelectualității rusești democratice, ca fiind superioare, ei au încercat să preia acest model de viață și să-l propage printre coreligionari. Mulți din ei au manifestat un grad înalt de activism social implicându-se în politică și activând în societăți caritabile, educaționale și artistice. Slăbeau legăturile dintre tânără intelectualitate evreiască și cercurile intelectuale tradiționale. Concomitent, intelectualitatea evreiască din gubernia Grodno la joncțiunea secolelor XIX–XX era prezentată drept un grup puternic stratificat, din rândurile cărora pe lângă „nucleul” progresist, coexistă și „periferia” tradiționalistă.

Cuvinte-cheie: intelectualitatea evreiască, medicină, jurisprudență, pedagogie, politică, Imperiul Rus, gubernia Grodno.

Резюме

Формирование еврейской интеллигенции Гродненской губернии (конец XIX – начало XX вв.)

В статье, опирающейся на не публиковавшиеся ранее архивные источники, осмысливается проблема формирования еврейской интеллигенции на территории Гродненской губернии (конец XIX – начало XX вв.). Сделан вывод о том, что в условиях ускоренной вестернизации традиционной еврейской культуры рубежа XIX–XX вв. в белорусской части черты еврейской оседлости перед молодежью, которая получила светское образование в высших учебных заве-

дениях, открывалась возможность занять новые статусные позиции. Интеллигенция становилась субъектом формирования новых традиций быта и досуга, образцом для которых был образ жизни христиан. Произошло изменение еврейской ономастической модели, костюма и внешнего вида. Понимая ценности демократической российской интеллигенции как высшие, они старались максимально приблизиться к ним в реальной жизни и пропагандировать свой образ жизни среди единоверцев. Многие проявляли высокую степень общественной активности, работали в составе благотворительных, просветительских и художественных обществ, занимались политикой. Разрушалась связь между молодой еврейской интеллигенцией и традиционными кругами еврейства. При этом еврейская интеллигенция Гродненской губернии рубежа XIX–XX вв. оставалась сильно стратифицированной группой, среди которой кроме прогрессивного «ядра» была консервативная «периферия».

Ключевые слова: еврейская интеллигенция, медицина, юриспруденция, педагогика, политика, Российская империя, Гродненская губерния.

Summary

The Formation of the Jewish Intelligentsia in Grodno Province (the end of the XIXth – the beginning of XXth century)

The article which is based on not previously published archive sources the problem of the formation of the Jewish intelligentsia on Grodno province territory (late XIX – the beginning of XX century) was comprehended. The conclusion was made, that in rapid conditions of westernization of traditional Jewish culture on the border of XIX–XX centuries in Byelorussian part of Jewish Pale of settlement, the opportunity to take new status positions was opened before youths who received secular education in state educational institutions. Intelligentsia become the subject of the formation of new traditions of everyday life and leisure. The way of Christian life become as a model for them. There was a change of Jewish onomastic model, dress and appearance. Understanding the values of the democratic Russian intelligentsia as the highest, they try to approach them in real life and to promote their way of life among co-religionists. Many of them demonstrate high level of public activity, work in charity, education and artistic communities, were engaged in politics. Communication between young Jewish intelligentsia and traditional Jewish circles was ruined. Just at the same time Jewish intelligentsia of Grodno

province the border of XIX–XX centuries stayed strongly starved group, in which accept the progressive “core” the conservative “periphery” existed.

Key words: Jewish intelligentsia, Medicine, Jurisprudence, Pedagogics, Politics, the Russian Empire, Grodno province.

Формирование еврейской интеллигенции принадлежит к кругу малоисследованных вопросов иудаики. Дискуссионна сама дефиниция «интеллигенция», которая всегда имела идеологическое содержание (гуманистический подход М. Бердяева, С. Булгакова, П. Струве и др. – *настоящая и лже-интеллигенция*; классовый подход В. Ленина, Л. Троцкого и др. – *пролетарско-крестьянская и буржуазная интеллигенция*).

Интеллигенцию характеризуют и как социальную общность, представители которой профессионально занимаются умственным трудом, и как интеллектуальную элиту, создающую духовные ценности, людей нравственных, «соль земли». Пример социологического подхода – определение Яна Щепаньского, который под интеллигенцией понимал специалистов с высшим и средним специальным образованием, прилагающих к своей работе индивидуальные творческие и интеллектуальные усилия [8, с. 19].

Российские ученые делают акцент на неформальных, идейно-нравственных признаках. Например, Сергей Сергейчик отмечал: интеллигенция – это духовно-интеллектуальный авангард общества, который специализированно занимается творческим поиском и внедрением интеллектуальных, научно-технических, технологических (в том числе социальных и политических технологий), мировоззренческих и духовно-нравственных новаций с целью позитивного решения актуальных социальных проблем и противоречий в обществе [38, с. 14-15]. Понимание феномена полиэтнической интеллигенции Российской империи конца XIX – начала XX вв. возможно только при объединении обоих аспектов.

Наше понимание интеллигенции близко к позиции Инге Бланк. По ее мнению, еврейская интеллигенция – это такая социальная группа, представители которой сначала индивидуально, а затем в масштабах всего общества эмансипировались из среды типичного восточноевропейского еврейства и, в противовес *непосредственно производящим*, могут быть названы *непосредственно работниками умственного труда*. Автор подчеркивает, что возникновение и развитие «современной», то есть секулярной еврейской интеллигенции (в отличие от традиционной раввинской учености), отражает внутренне сложный и противоречивый феномен социальных из-

менений традиционного восточноевропейского общества на российской территории [40, с. 200]. В указанный период происходило оформление интеллигенции как особой профессиональной группы. Параллельно вызревало ее самосознание, на которое сильное воздействие оказывал социально-политический фактор.

Формирование еврейской интеллигенции в конце XIX – начале XX вв. проходило в особенно сложных условиях. С конца XVIII в. законодательство России реализовывало задачу ускоренной аккультурации иудеев, превращения их в «полезных подданных», лояльных власти. При помощи принудительных мер осуществлялось основательное изменение их культуры и образа жизни. По выражению Дмитрия Эльяшевича, «власти стремились к секуляризации еврейского образования (вернее, его „деиудализации“) и считали необходимым привить евреям „общечеловеческие ценности“» [39, с. 268].

Реакция периода Александра III ознаменовалась появлением новых юридических ограничений, которые усложнили получение иудеями среднего и высшего образования. С 1887/88 учебного года введена «процентная норма»: в средних учебных заведениях на территории черты еврейской оседлости доля учащихся-иудеев не должна была превышать 10%, вне черты – 5%, в столицах – 3%. Вскоре она распространилась на высшие учебные заведения, обучение иудеев в Медико-хирургической академии было запрещено. Доля студентов-иудеев в высших учебных заведениях (в сравнении с общим количеством евреев в Российской империи) была самой низкой в Европе [42, с. 16].

Поступление на государственную службу и самостоятельная деятельность в медицинской и юридической сферах для иудеев была сужена. Даже если законы, ограничивающие число медиков-иудеев отсутствовали, гродненские власти по собственной инициативе отказывали им в принятии на службу. Например, когда в 1894 г. А. Любич выразил желание стать аптекарским учеником, губернское правление ему отказало, поскольку «в аптеках губернии и так слишком много евреев» [25, л. 3-3 об.]. Руководитель этой структуры, отклоняя кандидатуру выпускника харьковского ветеринарного училища Г. Букштейна, отмечал: «Желательно иметь ветеринарного врача, но не еврейского и не католического вероисповедания» [19, л. 2].

В российском обществе быстрыми темпами распространялась юдофобия. По мнению Алексея Гольденвейзера, этому способствовали насильственные меры «еврейского законодательства». «Широкие народные массы должны были воспринимать политику еврейских ограничений

как официальную санкцию антисемитизма, и узаконивание дискриминации евреев больше чем что-то другое способствовало созданию психологической атмосферы, которая находила свое самое грубое выражение в еврейских погромах» [5, с. 120]. В начале 1880-х гг. по черте еврейской оседлости Российской империи прокатилась первая волна погромов. Широкое распространение получила антисемитская печать. Националистические движения взяли на вооружение антиеврейскую риторику.

В конце XIX – начале XX вв. для евреев путь в сословие интеллигенции пролегал через приобретение педагогической, медицинской, юридической или инженерной профессии. Право на поступление во всеобщие вузы, выпускники которых становились врачами, дантистами, присяжными поверенными или учителями, давал аттестат «общих» средних учебных заведений. Его можно было получить в гимназиях или реальных училищах, куда евреев до «майских законов» принимали без ограничений в соответствии с результатами вступительных экзаменов, либо в раввинских училищах. Последние, которые с середины 1840-х гг. работали в Вильнюсе и Житомире, а в 1873 г. получили название еврейских учительских институтов, давали аттестаты раввинов и учителей еврейской школы. Эта стадия обучения предшествовала начальной школе: государственные «общие» начальные школы, казенные училища для евреев, сеть которых с 1836 г. создана в губернских и уездных городах, либо частные еврейские школы (хедер, тамлуд-тора, иешива, пансион).

Для лиц, желавших быть провизорами и аптекарскими помощниками, существовала возможность самостоятельного получения первоначальных знаний или посещения частных начальных учебных заведений с последующей сдачей экзаменов на право заниматься определенным родом деятельности. Их проводили комиссии при вузах. Еврейский персонал гродненских аптек получал свидетельства о квалификации при Варшавском и Московском императорских университетах [25, л. 4-8 об.].

Будущие учителя и младшие медицинские работники сдавали квалификационные экзамены в комиссиях при государственных гимназиях. Через комиссию при гродненской мужской гимназии прошло много фельдшеров и санитаров-иудеев, приобретших профессию в армии. Они должны были подтвердить свои компетенции, чтобы продолжить работу по специальности на гражданской службе. После 4-классного государственного училища либо самостоятельной подготовки здесь сдавали экзамены аптекарские ученики, большинство позже работало

в частных аптеках уездных городов и местечек губернии [20, л. 26, 35, 54, 89, 95, 98, 116, 159; 26, л. 54 об.]. Обучение не только давало специальность, но и меняло самосознание человека. Как утверждала Хэлена Датнер, «приобретение светского образования означало в XIX веке почти всегда какой-то уровень эмансипации, отхода от традиционного образа жизни. Те, кто его получил, имели шанс на поиск новых жизненных дорог, новой карьеры» [42, с. 54].

Прагматичная политика царствования Александра II создала благоприятные условия для развития карьеры иудеев с высшим образованием. Так было с Ильей Соломоновичем Кулькиным, который находился на государственной службе с 1863 по 1884 гг., работая штатным врачом гродненской мужской гимназии, специальным врачом города, гродненским уездным врачом. В соответствии с занимаемыми должностями он был возведен в чин титулярного советника (1868), коллежского асессора (1869), надворного советника (1871), коллежского советника (1876). За честный труд ему назначали премии, в отставке доктор получал пенсию в размере половины оклада – 230 руб. в год [23, л. 84 об.-87].

Подобным образом сложилась жизнь Авраама Моисеевича Андреса, который работал внештатным врачом при Гродненской палате госимущества, внештатным врачом Волковысского уезда, ординатором гродненской окружной лечебницы, гродненским городским врачом, ординатором гродненского военного госпиталя и врачом тюремной лечебницы. Был возведен в чин титулярного советника (1862), коллежского асессора (1865), надворного советника (1869), коллежского советника (1873). За 20-летнюю службу помимо денежных премий получал награды: ордена Св. Анны 2-й и 3-й степеней, Св. Станислава 2-й степени, бронзовую медаль за усмирение польского восстания 1863–64 гг. и знак Красного Креста. Работу оплачивали достойно: в 1889 г. на пике карьеры он получал 600 руб. в год [24, л. 74-75].

Должности слонимского и брестского городских врачей, волковысского уездного врача с получением соответствующих чинов и государственных наград за выслугу лет занимал в 1859–1889 гг. Моисей Яковлевич Гершуни [24, л. 171-172]. Все эти врачи родились в начале 1830-х гг. и успели получить образование в Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии, а для получения руководящих должностей сдавали экзамены в Московском императорском университете. Тем, кто закончил вуз на рубеже 1850–1860-х гг., диплом дал возможность поступления на престижную, хорошо оплачиваемую

государственную службу, вероисповедание не стало препятствием для блестящей карьеры.

Эпоха Великих реформ, предложившая образованным евреям возможность преодоления многих ограничений, включая пребывание в черте оседлости, создала удивительную ситуацию. Исраэль Бартадь отмечает: «Она породила неизвестную дотоле социальную реальность, развивавшуюся быстрыми темпами, и привела к такой интенсивности аккультурации, которой в прошлое царствование не смогли достичь законодательные усилия, предпринимаемые десятилетиями» [1, с. 163].

В начале XX в. на место иудеев, которые преобладали среди врачей Гродненской губернии на государственной службе и занимали в своей области руководящие посты в 1860–1880-е гг., пришли их христианские коллеги. В 1908 г. мы не найдем на государственной службе ни одного врача-еврея в Бресте, Пружанах, Волковыске и Слониме. Медики-иудеи вынуждены были обратиться к свободной практике. По данным «Памятной книжки Гродненской губернии на 1908 г.», среди 63 частных врачей, дантистов и акушеров Гродно было 42 еврея, что составляло 67%. Среди стоматологов процент евреев достигал 75, а среди дантистов – 90 [37, с. 14]. Одним из самых знаменитых врачей губернского города являлся создатель языка эсперанто Лейзер Мордхович Заменгоф, живший здесь в 1893–1897 гг. После учебы в Москве и Варшаве в 1885 г. он получил диплом врача-окулиста и начал частную практику [9, л. 1-4].

В начале XX в. иудеи почти полностью вытеснены с государственной службы. Им обеспечены только места преподавателей религиозных предметов в государственных гимназиях и реальном училище. Доминирование иудеев в стоматологии обусловило занятие представителями этой конфессии должностей дантистов в указанных учреждениях образования. Евреи изредка появлялись на более низких медицинских и чиновничьих должностях. Например, на рубеже 80–90-х гг. XIX в. в гродненской окружной лечебнице фельдшером работал И. А. Финн [24, л. 125-125 об.]. И все же, несмотря на дискриминационную политику правительства, общее количество иудеев среди врачебной интеллигенции Гродно увеличивалось. Если в 1882 г. среди медиков-иудеев с высшей квалификацией был только дантист Л. Б. Кауфман, то в 1889 г. насчитывалось уже 7 врачей-иудеев и 8 их коллег христианского вероисповедания [35, с. 5; 36, с. 91]. В 1907 г. количество христиан среди гродненских врачей составляло 10 чел., иудеев – 19 чел. [37, с. 14].

Формирование еврейской юридической интеллигенции осложнялось противоречивой по-

литикой царизма. Судебная реформа 1864 г. создала в России современную адвокатуру, обеспечив равные права защите и обвинению. Она не содержала ограничений для иудеев, что привело к быстрому увеличению юридической интеллигенции среди данной этноконфессиональной группы. Ситуация изменилась, когда «Временные правила 1882 г.» запретили иудеям доступ в адвокатуру. В связи с этим евреи, несмотря на наличие высшего юридического образования и требуемого законом 5-летнего стажа, сконцентрировались на должностях помощников присяжных поверенных.

Согласно закону 25 мая 1874 г., к присяжным поверенным приравнены частные поверенные, которые также могли за плату вести гражданские дела своих клиентов, но не были объединены в сословную организацию. Однако Высочайшее повеление 19 апреля 1890 г. ограничило и эту сферу деятельности: допуск представителей нехристианских исповеданий определялся лично министром внутренних дел и юстиции по представлению уездных съездов. После этого на должностях частных поверенных остались в основном юристы-евреи, начавшие свою карьеру в царствование Александра II.

Манифест 17 октября 1905 г. упразднил профессиональные ограничения. Многие иудеи были утверждены в должностях присяжных поверенных, увеличилось количество помощников присяжных поверенных. В 1908 г. в Гродно из 15 присяжных поверенных было 4 иудея, частным поверенным работал Л. М. Гирон [37, с. 39-41], имевший звание помощника присяжного поверенного. «Оттепель» продолжалась недолго: с 1908 г. адвокаты-иудеи вновь почувствовали давление. Их назначение на соответствующие должности затягивалось, де-факто была введена процентная норма [7, с. 473].

Юридическая интеллигенция Гродно начала XX в. представлена братьями Моисеем (1854–1921) и Александром (1868–1908) Яковлевичами Острогорскими. Выпускники гродненской гимназии, они закончили юридический факультет Санкт-Петербургского университета: первый в качестве кандидата права, второй – с дипломом I степени. Оба почувствовали на себе гнет правовых ограничений. Моисей успел поступить в университет до процентной нормы, семь лет работал в Министерстве юстиции, где дослужился до должности редактора законодательного отделения; после введения «майских законов» вынужден был уйти в отставку. Следующие 20 лет Моисей Острогорский жил за границей, где окончил Свободную школу политических наук, а его исследование «Женщина с точки зрения публичного права» получило премию имени Росси

Парижского университета. Александр хорошо учился в гимназии, но из-за процентной нормы только вторая попытка поступить на юридический факультет Санкт-Петербургского университета стала удачной. Окончив университет, принял крещение, после чего быстро сделал карьеру в Министерстве финансов, позднее успешно занимался работой в области образования [31].

Законы запрещали деятельность иудеев в судебной и пенитенциарной системах, прокурорском надзоре, нотариате и жандармерии. В конце 1881 г. гродненский губернатор издал распоряжение об увольнении всех служивших в полиции лиц иудейского вероисповедания как неблагонадежных. В Гродненской губернии не было их также на армейских командирских должностях и в руководстве железных дорог. Не найдем мы еврейскую интеллигенцию и в представительных органах власти вроде мещанских управ либо присутствий – места в них занимали купцы.

Круг гродненской еврейской интеллигенции довольно замкнут. На рубеже веков характерно появление корпоративных семей. Примером может служить семья врача Авраама Андреса: обе его дочери вышли замуж за врачей-евреев [23, л. 75]. Появились врачебные династии: дантист Рейхля Андрес была дочерью врача Б. Андреса, дантист Л. Б. Кауфман передал специальность сыну Вениамину [36, с. 91]. В Бресте в начале XX в. авторитетом пользовались братья Ксаверий и Лев Григорьевичи Штейнберги. Первый занимался свободной врачебной практикой, второй являлся членом городской санитарно-исполнительной комиссии. В том же городе Л. С. Шерешевский был врачом, И. С. Шерешевский и М. С. Шерешевская – дантистами [37, с. 199, 201]. Мотивом получения свидетельства аптекарской помощницы для брестчанки Соры Каган стала необходимость участвовать в бизнесе мужа-аптекаря [20, л. 98].

Семья учителей Шехтман в начале XX в. плодотворно работала на почве еврейского образования Гродно: Лев Самуилович Шехтман заведовал 1-классным еврейским народным и 2-классным еврейским женским училищами. В последнем учительницей рукоделия была его жена Л. Ю. Шехтман. Одной из содержательниц еврейской женской гимназии являлась Л. Вальдман, а М. И. Вальдман работал учителем еврейского ремесленного училища [37, с. 36].

Семья Острогорских представлена тремя поколениями педагогов. К старшему принадлежал Меер Авраамович Острогорский, который в 1852 г. открыл в Гродно еврейское училище [34, с. 659]. В 4-классном еврейском женском училище, которое в 1906 г. превратилось в прогимназию, а через год – в гимназию, работали

Теофилия, Аделина и Яков Острогорские [29, с. 336]. Преподавательской работой занимался и Александр Яковлевич Острогорский. Он заведовал училищем в Санкт-Петербурге, был автором учебника по русскому языку и хрестоматии по русской литературе, успешно разрабатывал методику [28, с. 795-796; 31]. Его сестра, Анна Яковлевна Острогорская-Малкина, по профессии медик, посвятила жизнь просвещению. Она занималась переводами, с 1899 г. редактировала журнал «Юный читатель», который в 1908 г. был преобразован в издательство, печатавшее литературу для детей и подростков и книги для самообразования [30]. Из процитированных документов можно сделать вывод об активном пополнении еврейской врачебной и педагогической интеллигенции женщинами, что в гораздо меньшей степени было свойственно христианской среде. Женщины-учительницы работали исключительно в женских гимназиях, пансионах и училищах. В медицинской области они появились в качестве среднего медицинского персонала в гинекологии, стоматологии и фармакологии.

В 1907 г. среди гродненских акушерок было 16 иудеек и 9 христианок, среди повивальных бабок – 2 иудейки и 3 христианки [37, с. 14]. Большинство из них получили образование в местной повивальной школе. Она не подлежала процентной норме, поэтому, хотя устав предусматривал приоритетный прием христианок, большинство учащихся составляли еврейки [21, л. 5]. Условием приема в повивальную школу было умение читать и писать на русском языке. Где получали знания будущие ученицы, неизвестно. Только в нескольких случаях в прошениях о приеме указано, что его обладательница окончила двух- или четырехлетний курс училища, посещала женский пансион. В основном еврейские девушки в конце XIX в. получали домашнее образование [22, л. 72].

О высокой степени аккультурации гродненской еврейской интеллигенции свидетельствуют ономастические данные, говорящие об изменении в интеллигентской среде еврейской ономастической модели. У детей иудейского вероисповедания, рожденных в 1863–1869 гг. в семьях врачей, преобладали европейские имена. Например, сын и дочери врача Ильи Кулькина: Марк, Анна-Бася, Александра, Софья, Роза. Детей врача Моисея Гершуна, который женился на дочери виленского купца Евгении Лаппо, звали Борис, Марк, Александр, Осип и Тимофей [23, л. 171 об. – 172].

В начале XX в. сочетание европейских имен и еврейских отчеств во врачебной среде губернии – обычное дело: Самуил Лазаревич Гожанский, Фабиан Вульфович Эпштейн, Лев Исаевич Гаухман, Иоаким Герцевич Гурвич, Татьяна

Иоселевна Басс, Ира Моисеевна Гинзбург и др. У некоторых христианизация имен осуществлялась на уровне двух поколений: Григорий Тимофеевич Замковский, Роман Иосифович Фрумин, Паулина Марковна Крынская, Ксаверий Григорьевич Штейнберг, Дина Семеновна Вайсман [37, с. 14-15, 89, 201, 243]. Данный процесс вслед за Агнешкой Ягодзиньской можно назвать языковой христианизацией, которая являлась важным показателем аккультурации данной среды [44, с. 256].

Европейские обычаи проникали в повседневную и праздничную жизнь еврейской интеллигенции. На место традиционных религиозных сюжетов в домашние постановки пришли европейские. Так, семья учителя брестского народного еврейского училища В. Д. Исакова 16 апреля 1894 г. почтила Песах и именины дочери постановкой пьесы Мольера «Женитьба по принуждению» [10, л. 40]. Примечательно не только появление светской пьесы, но и то, что речь шла о христианском празднике, именинах. В еврейской традиции он отсутствует, более того, отмечать день рождения, праздник личный, а не религиозный, считается грехом.

Гродненскую еврейскую интеллигенцию, профессиональная деятельность которой началась в конце 1860-х гг., можно в полной мере назвать демократической. Как следует из формулярных списков врачей, все они происходили из мещан. С большой долей вероятности можно утверждать, что это были выходцы из беднейшего еврейства: отношение к казенным учебным заведениям, которые нужно окончить, чтобы стать доктором, в еврейской среде середины XIX в. было настороженным. Результатом являлось уклонение от посещения еврейских училищ детей из состоятельных семей.

В начале XX в. врачебные и юридические профессии стали престижными, свидетельствовали о высоком социальном статусе – обеспеченности, хорошем образовании, принадлежности к кругу известных в городе уважаемых людей. Поэтому среди присяжных поверенных Гродно в 1908 г. были представители зажиточных купеческих семей – Л. О. Абрамский и Г. Х. Яновский [37, с. 39].

В еврейской среде широко распространена благотворительность, что обусловлено религиозной этикой и традициями жизни в «голуте». При этом в списках опекунов медицинских и просветительских учреждений Гродно рубежа веков нет еврейской интеллигенции. Это связано с тем, что на должности руководителей обществ, чтобы обеспечить им материальную устойчивость, приглашали состоятельных жителей города. Членами Совета еврейского госпиталя, опекунами холерных лазаретов в 1890-е гг.

являлись финансисты, владельцы промышленных и торговых предприятий. Медики вносили свою лепту в дело милосердия, бесплатно оказывая врачебную помощь.

В первом десятилетии XX в. наблюдалось оживление институционализированной благотворительности. В гродненской общине сестер милосердия Красного Креста было много медиков-иудеев: И. И. Роутенштейн входил в состав членов попечительского совета, Ф. В. Эпштейн являлся штатным врачом, среди врачей-специалистов находятся И. К. Глухман, И. И. Роутенштейна, дантисты Л. М. и Б. М. Пик, Шапиро [37, с. 71-72]. М. В. Эпштейн исполнял обязанности штатного врача гродненского отделения Российского общества спасения на водах [37, с. 73].

Еврейская медицинская интеллигенция Бреста составляла большинство членов городской санитарно-исполнительной комиссии, врач Л. С. Шерешевский участвовал в работе Общества содействия физическому воспитанию детей [37, с. 199, 201, 236]. Слонимский дантист И. Ш. Иосем и пружанский врач Б. И. Галай – члены правлений пожарных обществ, первый из них был также членом общества помощи бедным евреям [37, с. 307, 308, 331].

Врачи, учителя и их родственники принимали активное участие в работе благотворительных еврейских организаций, которые занимались помощью бедным и просвещением («Литора влитуда», Общество помощи бедным еврейским детям, Общество помощи бедным евреям, Общество обеспечения бедного населения дровами и другими предметами первой необходимости). Жены врачей Хазана и Замковского работали в женском еврейском обществе «Сэймех Нэйфилим». Сам С. Ю. Хазан занимал должность заместителя председателя Совета гродненского еврейского детского приюта [37, с. 79-80]. В 1914 г. жены врачей Т. Е. Хазан и Е. Б. Гаухман, жена общественного раввина Ф. А. Гальперн основали Общество помощи евреям – ученицам гимназий [27].

Наличие представителей еврейской интеллигенции не только в традиционных еврейских благотворительных структурах, но и в обществах, направленных на удовлетворение нужд нееврейского населения, – важный показатель аккультурации. Вместе с тем для еврейской медицинской интеллигенции Гродненской губернии может быть верным наблюдение, сделанное Хэленой Датнер по поводу варшавских коллег. Автор пишет, что уровень знаний о еврействе в среде врачей-иудеев был крайне низок, в их сознании еврейские традиции трансформировались в совокупность элементов, лишенных большого эмоционального значения. С еврейской средой их связывало чувство обязанности, что

проявлялось в меценатстве: стипендиях, участии в благотворительных обществах; прежде всего в этой деятельности они реализовывали себя как евреи [42, с. 179].

Еврейская интеллигенция переняла модели поведения, характерные для состоятельной городской среды: моду, развлечения, язык общения христиан. В начале XX в. стали популярными музыкально-драматические вечера. Они использовались для привлечения денег в благотворительные общества, членами которых были представители еврейской интеллигенции. Драматические постановки, музыкальные вечера с танцами проводились по инициативе не только «Эзро», «Линас-Гацедек», Общества помощи бедным еврейским детям, Общества по созданию приюта для малолетних сирот-евреев, гродненской еврейской гимназии Л. Вальдман, но и местного раввина Исаака Гальперна, инициировавшего сбор средств для бедных учениц гродненской гимназии [12, л. 73, 169, 182, 196; 13, л. 40; 14, л. 1; 15, л. 140, 146; 16, л. 136, 306, 320; 17, л. 91, 102, 107, 211, 213, 255].

Новацией стало проведение благотворительных вечеров танцев [15, л. 148]. Этот обычай, характерный для европейского общества, демонстрировал раскованность и знание светских правил поведения: еврейская традиция запрещает танцы, в которых женщины выступают в парах с мужчинами, тем более это касается европейских танцев, предполагающих определенную свободу нравов. Сюда приходили в модных платьях и фраках, украшенных цветочными бутоньерками [15, л. 8]. На развлекательные мероприятия приглашали профессиональных актеров русской труппы, иногда давалось разрешение на постановку идишских пьес Шолома Аша или Шолом-Алейхема [17, л. 211]. Педагоги при подготовке благотворительного вечера акцентировали внимание властей на аполитичности мероприятия и собственной лояльности. Не случайно руководство Гродненского еврейского училища и частной еврейской женской гимназии Л. Вальдман в прошении на имя губернатора указывало, что исполняться будут только русские драматические произведения, стихи и песни [15, л. 140; 17, л. 107; 12, л. 196].

Значительная часть еврейской интеллигенции погрузилась в общественно-политическую жизнь. В Гродно активностью выделялись сионисты братья Яффе. Б. Б. Яффе в 1908 г. возглавлял общества «Летора влитуда», которое помогало учащимся-евреям, и «Палестина», был членом совета гродненского еврейского детского приюта [37, с. 79-80].

Масштабы губернского города переросла личность поэта и общественно-политического

деятеля Льва Борисовича Яффе (1876–1948). Он родился в Гродно в религиозной традиционной семье, был внуком известного раввина. Участвовал в сионистских конгрессах, являлся членом демократической фракции сионистского движения, с 1906 г. входил в Центральный комитет Российской сионистской организации. После Октябрьской революции Л. Б. Яффе уехал в эмиграцию. Сначала это была Литва, где он занимал ведущие позиции в сионистском движении и печати. В 1920-е гг. путешествовал по Европе, пропагандируя сионистские идеи. Л. Б. Яффе погиб в Тель-Авиве во время террористического акта [3, с. 35; 38, с. 210-211].

Яркой звездой на гродненском политическом небосклоне был Моисей Яковлевич Острогорский, юрист и общественный деятель, депутат I Думы, кадет. На выборах в Государственную думу 1907 г. возглавлял Еврейскую народную группу, куда входили также врачи Замковский и Роутенштейн [3, с. 34; 4, с. 27]. Благодаря умеренности программы представители Группы пользовались поддержкой верхушки общины, за них агитировали даже служки и раввины в синагоге. После неудачи на выборах во II Думу Моисей Острогорский ушел из политики, стал социологом и политологом. В монографии «Демократия и политические партии» [32, 33] он выступил в качестве основателя социологии политических партий. По настоящее время признается огромное влияние взглядов Моисея Острогорского на развитие политической науки [6, с. 1].

Отсутствие источников личного происхождения осложняет задачу реконструкции мировоззрений и духовных поисков еврейской интеллигенции Гродненской губернии конца XIX – начала XX в. Понятно, что эта среда была пестрой. Люди, получившие образование в общих учебных заведениях и казенных еврейских училищах, ощутили влияние мероприятий царизма по перевоспитанию евреев. Особенно это касается учителей, «цивилизация» которых в раввинских училищах и еврейских учительских институтах осуществлялось наиболее усердно: именно они должны были воспитывать следующие поколения в духе лояльности по отношению к государству.

Идея о необходимости изучения русского языка и литературы, европейских языков, точных и естественных наук, которая проводилась реформаторами еврейского образования, совпадала с принципами еврейской Гаскалы. Они близки новому поколению педагогической интеллигенции, но вызвали возмущение в традиционной части еврейского общества, которая в Гродненской губернии в течение 2-й половины XIX в. составляла большинство. Вот пример из

Гродно: на рубеже 1870–1880-х гг. заведующий талмуд-торы Марголин сделал попытку приблизить ее к современным стандартам. Он уделял много внимания русскому языку, арифметике, планировал ввести иврит (идиш маскилим считали вредным явлением). Однако ортодоксы не допустили перемен: «в помощь» Марголину дали четырех консультантов, компетенции которых подлежал контроль за финансами [2, с. 1610-1611].

Одна часть еврейской интеллигенции переосмыслила место религии в своей картине мира, сдвинув ее в сферу повседневных обычаев и национальных праздников, которые все чаще воспринимались как дань традиции. Другие, почувствовав на себе гнет юридических ограничений, устав от унижений, вызванных принадлежностью к нехристианскому вероисповеданию, сомневались, что стоит оставаться иудеем. Из архивных документов известно, что в 1875 г. 17-летний Л. Заменгоф, происходивший из хасидской семьи, собирался принять христианскую веру. Юноша приглашал гродненского губернатора в крестные отцы, просил спрятать себя в монастыре от евреев, которые еще не знают о его желании креститься. О своих мотивах он пишет искренне. Уверяет, что прошел 2-классный курс Белостокской реальной гимназии и хотел продолжать учебу. Но отец, пишет он, «не пожелал больше платить за последующие курсы, только то мне говорил, чтобы я пошел на какую-либо государственную службу, а поскольку евреям вообще нет нигде никаких шансов на государственной службе, то я желаю от всего сердца быть настоящим православным человеком и верным слугой своему государю и русскому Отечеству» [9, л. 1-4]. Крещение Л. Заменгофа не состоялось, жизненный путь привел его к сионизму и участию в создании организации Ховевей Цион.

Иначе сложилась судьба Моисея Гурвича, учителя брестского и новогрудского еврейских училищ, смотрителя гродненского казенного еврейского училища. Становление самосознания этого педагога и публициста, горячего сторонника интеграции евреев в российское общество, лояльного подданного и борца с «еврейским фанатизмом» состоялось в Виленском раввинском училище. На всех местах работы он достигал увеличения количества учеников в казенных учебных заведениях для евреев и улучшения качества преподавания русского языка, для чего издал собственный учебник.

При новогрудском училище Гурвич основал курсы «общих предметов» для детей из состоятельных семей. Особенно очевидны успехи в русском языке: ученики свободно читали, толко-

вали и пересказывали тексты, прекрасно писали диктанты. Педагогическое кредо Моисея Гурвича проявилось в следующих словах: «Только тогда евреи будут жить жизнью, полезной для себя и нашего отечества, когда мы путем воспитания в начальных училищах разгоним талмудический мрак, разобьем тяжелые цепи, наложенные на руки и ноги несчастных мучеников, прогоним азиатизм и дадим им подышать свежим воздухом христианской и свободной Европы» [46, л. 147-148]. В отличие от других ассимиляторов ответственность за изоляцию иудеев Гурвич возложил на них самих. Он отрицал существование основополагающих элементов еврейской этничности («Признаю, что отдельная еврейская национальность не существует, так как от падения Второго Храма и до современности не имели ни истории, ни языка»), был сторонником «обрусения евреев» [46, л. 118-об., 127 об.-128].

Летом 1868 г. Моисей Гурвич крестился, через несколько месяцев прошло крещение его жены и детей. Обряд состоялся в дворцовой церкви Николаевского дворца, что демонстрировало важность события, призванного быть ярким доказательством правильности политики по «цивилизации» иудеев. О том, что он имел политический смысл, говорит и то, что крестными родителями стали бывший Виленский генерал-губернатор Константин Петрович Кауфман, протезировавший Гурвича, и великая княгиня Александра Петровна, тетья Александра II [45, л. 21]. При этом Гурвич превратился в Гурина и получил новое назначение в качестве учителя русского языка в «общем» учебном заведении. Биография Моисея Гурвича – яркий пример трансформации самосознания представителя новой еврейской интеллигенции. От европейского образования он перешел к искоренению признаков традиционного образа жизни, перемене религии и полному разрыву с еврейским миром.

Таким образом, в условиях ускоренной вестернизации традиционной еврейской культуры рубежа XIX–XX вв. в белорусской части черты еврейской оседлости перед молодежью, которая, помимо традиционного «домашнего» религиозного, получила «общее» светское образование в государственных учебных заведениях, открывалась возможность занять новые статусные позиции, не свойственные для традиционного общества. Разрушалась связь между молодой еврейской интеллигенцией и традиционными кругами еврейства. Увлечение политикой, наличие в данной сфере достаточно широких альтернатив усложняли процесс формирования идентификации еврейской интеллигенции. Создавалась ситуация, подобная положению аккультурированных слоев польско-еврейского общества, «поляков

иудейского вероисповедания», которые «вынуждены были осесть в полосе экстерриториальной земли, между польской и еврейской идентичностью – принадлежа к обоим мирам и не принадлежа ни к одному из них полностью» [44, с. 260].

Представители интеллигентных профессий формировали новые традиции быта и досуга, образцом для которых был образ жизни христиан. Многие видели себя «культуртрегерами», проявляли высокую степень социальной активности, работая в составе благотворительных и просветительских обществ. Понимая ценности демократической российской интеллигенции как высшие, они старались приблизиться к ним в реальной жизни и пропагандировать свой образ жизни среди единоверцев. При этом, как отмечлось, еврейская интеллигенция Гродненской губернии рубежа XIX–XX вв. оставалась сильно стратифицированной группой, в которой, кроме прогрессивного «ядра», была консервативная «периферия». Ее мировоззрение базировалось на ригористически понимаемой иудейской традиции, а выбор «интеллигентной» профессии был прагматичен.

Литература

1. Барталь И. От общины к нации: евреи Восточной Европы в 1772–1881 гг. М.: Мосты культуры-ры. – Иерусалим: Гешарим, 2007, 262 с.
2. Бендетсон Н. Благотворительные учреждения вообще, больница, приют и талмуд-тора в частности. In: Рассвет, 1880, № 41, с. 1610-1611.
3. Выборы. In: Рассвет, 1907, № 2, с. 35-36.
4. Выборы. In: Рассвет, 1907, № 3, с. 27-29.
5. Гольденвейзер А. А. Правовое положение евреев в России. In: Книга о русском еврействе: от 1860-х гг. до революции 1917 г. Иерусалим–М.–Минск: Гешарим – Мосты культуры – МЕТ, 2002, с. 115-158.
6. Дандарова Т. К. Теория демократии М. Я. Острогорского. Автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 1995, 19 с.
7. Кроль М. Адвокатура в России. In: Еврейская энциклопедия: свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. Т. 1. СПб.: Брокгауз и Ефрон. 1908, с. 469-473.
8. Мансуров В. А. Вместо введения. Исследование профессиональных групп российской интеллигенции: ситуация, методология и методика. In: Профессиональные группы интеллигенции. Сб. статей. Отв. ред. В. А. Мансуров. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2003, с. 5-28.
9. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно, ф. 1, оп. 7, д. 1826.
10. НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 9, д. 323.
11. НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 18, д. 141.
12. НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 18, д. 1270.
13. НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 18, д. 1415.
14. НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 18, д. 1416.
15. НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 18, д. 1417.
16. НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 18, д. 1419.
17. НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 18, д. 1422.
18. НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 18, д. 2061.
19. НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 2016.
20. НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 25, д. 2400.
21. НИАБ в Гродно, ф. 9, оп. 1, д. 633.
22. НИАБ в Гродно, ф. 9, оп. 1, д. 1070.
23. НИАБ в Гродно, ф. 9, оп. 1, д. 1601.
24. НИАБ в Гродно, ф. 9, оп. 1, д. 2197.
25. НИАБ в Гродно, ф. 9, оп. 1, д. 2200.
26. НИАБ в Гродно, ф. 9, оп. 7, д. 3.
27. НИАБ в Гродно, ф. 103, оп. 1, д. 75.
28. Некролог. In: Исторический вестник. Т. 11. 1908, с. 795-796.
29. Орловский Е. Гродненская старина: в 2-х ч. Ч. I. Гродно, 1910, 344 с.
30. Острогорская-Малкина А. Я. In: Большая биографическая энциклопедия: https://gufo.me/dict/biography_encyclopedia (дата обращения – 31.03.2017).
31. Острогорский А. Я. In: Еврейская энциклопедия: свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. Ред. Л. Каценельсон, Д. Г. Гинцбург. СПб.: Издание Общества для научных еврейских изданий и Издательства Брокгауз–Ефрон. Т. 12, 1910, ст. 148.
32. Острогорский М. Демократия и политические партии. Т. 1. М.: Изд-во Ком. Акад., 1927, 281 с.
33. Острогорский М. Демократия и политические партии: Соединенные Штаты Америки. Т. 2. М.: Изд-во Ком. Акад., 1930, 376 с.
34. Памятная книжка Виленского учебного округа на 1874 год. Вильна, 1874, 681 с.
35. Памятная книжка Гродненской губернии на 1882 год: адрес-календарь и статистическо-справочные сведения. [16], XXXII, 227, 137. Гродно, 1881, 23 с.
36. Памятная книжка Гродненской губернии на 1889 год: адрес-календарь и статистическо-справочные сведения. 19 [1], XXXII, 288, 145. Гродно, 1889, 4 с.
37. Памятная книжка Гродненской губернии на 1908 год: адрес-календарь и статистическо-справочные сведения. Гродно, 1908, 440, 255 с.
38. Письма Л. Б. Яффе к М. О. Гершензону / публикация Б. Горовица. In: Вестник Еврейского университета в Москве, 1998, № 2 (18), с. 210-211.
39. Сергейчик С. Российская интеллигенция: история и судьба. М.: Локид-пресс, 2006, с. 14-15.
40. Эльяшевич Д. А. Правительственная политика и еврейская печать в России, 1797–1917. Очерки истории цензуры. СПб.: Мосты культуры. – Иерусалим: Гешарим, 1999, 792 с.
41. Blank I. Haskalah und Emanzipation: die russisch-judische Intelligenz und die „judische Frage“ am Vorabend der „Großen reformen“. In: Juden in Ostmitteleuropa von der Emanzipation bis zum Ersten Weltkrieg. Red. G. Rohde. Marburg/Lahn: J. G. Herder-Institut, 1989, s. 197-231.

42. Datner H. Ta i tamta strona: żydowska inteligencja Warszawy 2 połowy XIX wieku. Warszawa: Żydowski Instytut Historyczny, 2007, 341 s.

43. Die Zahl der jüdischen Studierenden in Rußland. In: Zeitschrift für Demographie und Statistik der Juden. 1905, № 8, s. 15-16.

44. Jagodzińska A. Pomiędzy: akulturacja żydów Warszawy w 2 połowie XIX wieku. Wrocław: Wyd-wo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2008, 309 s.

45. Lietuvos vastybes istorijos archyvas (LVIA), fondas 378, apskritai tarnyba 1867, saugojimo vienetas 1728.

46. LVIA, f. 378, ap. t. 1869, s. v. 40.

References bibliografice

1. Bartal' I. Ot obshchiny k natsii: evrei Vostochnoi Evropy v 1772–1881 gg. M.: Mosty kul'tury. – Ierusalim: Gesharim, 2007, 262 p.

2. Bendetson N. Blagotvoritel'nye uchrezhdeniia voobshche, bol'nitsa, priiut i talmud-tora v chastnosti. In: Rassvet. 1880, № 41, p. 1610-1611.

3. Vyborny. In: Rassvet, 1907, № 2, p. 35-36.

4. Vyborny. In: Rassvet, 1907, № 3, p. 27-29.

5. Goldenveizer A. A. Pravovoe polozhenie evreev v Rossii. In: Kniga o russkom evreistve: ot 1860-h gg. do revoliutsii 1917 g. Ierusalim–M.–Minsk: Gesharim – Mosty kul'tury – MET, 2002, p. 115-158.

6. Dandarova T. K. Teoriia demokratii M. Ia. Ostrogorskogo. Avtoref. diss. ... kand. polit. nauk: 23.00.01. SPb.: Sankt-Peterburgskii gos. un-t, 1995, 19 p.

7. Krol' M. Advokatura v Rosii. In: Evreiskaya enciklopediia: svod znaniy o evreistve i ego kul'ture v proshlom i nastoiashchem. T. 1. SPb.: Brokgauz i Efron, 1908, p. 469-473.

8. Mansurov V. A. Vmesto vvedeniia. Issledovanie professionalnykh grupp rossiiskoi intelligencii: situaciia, metodologiia i metodika. In: Professionalnye gruppy intelligencii: sb. statei. Otv. red. V. A. Mansurov. M.: Izd-vo In-ta sociologii RAN, 2003, p. 5-28.

9. Nacionalnyi istoricheskii arkhiv Belarusi v Grodno, f. 1, op. 7, d. 1826.

10. NIAB v Grodno, f. 1, op. 9, d. 323.

11. NIAB v Grodno, f. 1, op. 18, d. 141.

12. NIAB v Grodno, f. 1, op. 18, d. 1270.

13. NIAB v Grodno, f. 1, op. 18, d. 1415.

14. NIAB v Grodno, f. 1, op. 18, d. 1416.

15. NIAB v Grodno, f. 1, op. 18, d. 1417.

16. NIAB v Grodno, f. 1, op. 18, d. 1419.

17. NIAB v Grodno, f. 1, op. 18, d. 1422.

18. NIAB v Grodno, f. 1, op. 18, d. 2061.

19. NIAB v Grodno, f. 1, op. 22, d. 2016.

20. NIAB v Grodno, f. 1, op. 25, d. 2400.

21. NIAB v Grodno, f. 9, op. 1, d. 633.

22. NIAB v Grodno, f. 9, op. 1, d. 1070.

23. NIAB v Grodno, f. 9, op. 1, d. 1601.

24. NIAB v Grodno, f. 9, op. 1, d. 2197.

25. NIAB v Grodno, f. 9, op. 1, d. 2200.

26. NIAB v Grodno, f. 9, op. 7, d. 3.

27. NIAB v Grodno, f. 103, op. 1, d. 75.

28. Nekrolog. In: Istoricheskii vestnik. T. 11. 1908, p. 795-796.

29. Orlovskii E. Grodnenskaia starina: v 2-h ch. Ch. I. Grodno, 1910, 344 p.

30. Ostrogorskaia-Malkina A. Ia. In: Bol'shaia bibliograficheskaia encyklopedia. https://gufo.me/dict/biography_encyclopedia (vizited 31.03.2017).

31. Ostrogorskii A. Ia. In: Evreiskaia enciklopediia: svod znaniy o evreistve i ego kul'ture v proshlom i nastoiashchem. Red. L. Kacene'lon, D. G. Ginzburg. SPb.: Izdanie Obshchestva dlia nauchnykh evreiskikh izdaniy i Izdatel'stva Brokgauz–Efron. T. 12, 1910, st. 148.

32. Ostrogorskii M. Demokratiia i politicheskie partii. T. 1. M.: Izd-vo Kom. Akad., 1927, 281 p.

33. Ostrogorskii M. Demokratiia i politicheskie partii: Soedinennye Shtaty Ameriki. T. 2. M.: Izd-vo Kom. Akad., 1930, 376 p.

34. Pamiatnaia knizhka Vilenskogo Uchebnogo okruga na 1874 god. Vil'na, 1874, 681 p.

35. Pamiatnaia knizhka Grodnenskoj gubernii na 1882 god: adres-kalendar' i statisticheskoe spravocnoye svedeniia. [16], XXXII, 227, 137, Grodno, 1881, 23 p.

36. Pamiatnaia knizhka Grodnenskoj gubernii na 1889 god: adres-kalendar' i statisticheskoe spravocnoye svedeniia. 19 [1], XXXII, 288, 145, Grodno, 1889, 4 p.

37. Pamiatnaia knizhka Grodnenskoj gubernii na 1908 god: adres-kalendar' i statisticheskoe spravocnoye svedeniia. Grodno, 1908, 440, 255 p.

38. Pis'ma L. B. Iaffe k M. O. Gershenzonu / publikaciia B. Gorovica. In: Vestnik Evreiskogo Universiteta v Moskve, 1998, № 2 (18), p. 210-211.

39. Sergeichik S. Rossiiskaia intelligenciia: istoriia i sud'ba. M.: Lokid-press, 2006, p. 14-15.

40. Eliashevich D. A. Pravitel'stvennaia politika i evreiskaia pechat' v Rossii, 1797–1917. Ocherki istorii cenzury. SPb.: Mosty kul'tury. – Ierusalim: Gesharim, 1999, 792 p.

41. Blank I. Haskalah und Emanzipation: die russisch-jüdische Intelligenz und die „jüdische Frage“ am Vorabend der „Großen reformen“. In: Juden in Ostmitteleuropa von der Emanzipation bis zum Ersten Weltkrieg. Red. G. Rohde. Marburg/Lahn: J. G. Herder-Institut, 1989, s. 197-231.

42. Datner H. Ta i tamta strona: żydowska inteligencja Warszawy 2 połowy XIX wieku. Warszawa: Żydowski Instytut Historyczny, 2007, 341 s.

43. Die Zahl der jüdischen Studierenden in Rußland. In: Zeitschrift für Demographie und Statistik der Juden. № 8, 1905, s. 15-16.

44. Jagodzińska A. Pomiędzy: akulturacja żydów Warszawy w 2 połowie XIX wieku. Wrocław: Wyd-wo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2008, 309 s.

45. Lietuvos vastybes istorijos archyvas (LVIA), fondas 378, apskritai tarnyba 1867, saugojimo vienetas 1728.

46. LVIA, f. 378, ap. t. 1869, s. v. 40.

Sobolevskaya Olga (Grodno, Belarus). Candidat în culturologie, conferențiar, Departamentul de filosofie, politologie și psihologie, Institutul de Drept din Belarus (filiala din Grodno).

Соболевская Ольга (Гродно, Беларусь). Кандидат культурологии, доцент кафедры философии, политологии и психологии, Белорусский институт правоведения (филиал в Гродно).

Sobolevskaya Olga (Grodno, Belarus). PhD of Culturology, Associate Professor, Department of philosophy, political science and psychology, Belarusian Institute of law (branch in Grodno).

E-mail: kulturology@mail.ru.